
T. B. Станюкович

Коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Европы и европейской части СССР

Музей антропологии и этнографии в Ленинграде широко известен как музей народов экзотических. Это объясняется тем, что экспозиции его посвящаются культуре и быту народов зарубежных, чаще всего народов Африки, Америки, Австралии, Океании, Южной и Центральной Азии. Между тем в фондах Музея имеется немало собраний и по народам отечественным, в частности обитающим в европейской части Союза, а также по народам Европы.

Основная масса этих коллекций (сосредоточенных в отделе Музея, носящем название «Отдел Европы») не освещена в научной литературе. Лишь единичные предметы и коллекции были опубликованы в сборниках Музея антропологии и этнографии и в некоторых других изданиях.¹

Настоящий сборник впервые посвящается целиком характеристике собрания по этнографии народов указанного региона. В нем дается научное описание ряда коллекций, а также характеризуется собрание в целом.

Комплектование коллекций по народам Европы восходит к началу XVIII в. Первым собирателем их был Петр I, передавший в Кунсткамеру для хранения «на вечную память» ряд полученных им подношений. Одновременно он приобрел специально для этнографического отдела Музея ряд интереснейших коллекций. В числе первых экспонированных в Музее предметов из этого региона были «Кубок венецианский», «Датские деревянные сапоги», «Французские деревянные сапоги», «Французские сапоги маленького размера», «Ложки из дерева и кожи», «Окаменелый кусок финского хлеба», «Три финских кошелька», «Нож финской женщины» и некоторые другие предметы быта.² Было выставлено также оружие — «два длинных испанских меча», «восемь луков, сделанных различно»,³ монеты и медали, «Ледеров медальный кабинет», купленный в 1721 г.

¹ Н. И. Гринкова. 1) Русская понева юго-западных районов РСФСР. Сб. МАЭ, т. X, М.—Л., 1949, стр. 5—42; 2) Височные украшения в русском народном женском костюме. Сб. МАЭ, т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 24—40; Т. А. Крюкова. Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья. Сб. МАЭ, т. X, М.—Л., 1949, стр. 139—159; Н. И. Гаген-Торн. 1) Судовые флюгера «сорочки». Сб. МАЭ, т. XX, М.—Л., 1961, стр. 75—83; 2) Болгарская одежда по коллекциям ленинградских музеев. Сб. МАЭ, т. XVIII, М.—Л., 1958, стр. 208—247; Л. М. Сабурова. 250 лет Музею антропологии и этнографии. Pzaeglad antropologizn, XXXI, Poznan, 1965.

² Musei Imperialis Petropolitani, vol. II, SPb., 1742, pt. II, serin 96, IX, №№ 42—44; VIII №№ 15, 30—41, 81, 112.

³ Там же, XXIII, №№ 88, 89, 108, 109 и др.

в Гамбурге,⁴ и коллекция позолоченных медалей «маянского монетных дел надзирателя Лауферта с изображением римских пап»,⁵ скульптуры и вещи, связанные с культом и магией («Вакх, сидящий на быке, из металла и другой, меньшей величины, глиняный, «пояс Марии де Лоретто, который имел такое свойство, что женщины опоясанные им во время родов, рожали без страданий»⁶).

Культура и быт народов отечественных XVIII в. были представлены коллекциями одежды различных народов Поволжья. В первом каталоге Музея — *Musei Imperialis Petropolitani*, — вышедшем в 1742 г., числилось уже довольно значительное ее собрание: «женская одежда мордовских татар», «мордовский женский головной убор, украшенный бляхами из листового металла и испещренный кораллами», «черемисские, мордовские и чувашские чепцы», «черемисские полотняные штаны», «черемисская женская полотняная рубашка, испещренная красным шелком, с полным снаряжением», «синий шлем тех, которых зовут чувашами, украшенный серебряным острением», «татарская рубашка из белой шерсти, украшенная темно-голубыми, зелеными и красными нитками», «татарская рубашка, сделанная из полотна», «татарские чулки», женские и мужские пояса из шерсти, из сукна, украшенные вышивкой.⁷

В конце 1730-х годов эта коллекция была еще богаче, однако часть ее была утеряна во время «природного маскарада», устроенного по распоряжению императрицы Анны Ивановны в связи с «потешной свадьбой» придворных шутов. Рассматривая экспонаты Музея не как государственную, а как личную собственность, императрица не раз использовала коллекции для своих прихотей. В 1739 г. она распорядилась доставить из Кунсткамеры ко двору одежду различных отечественных народов: мордвы, чувашей, марийцев, удмуртов, калмыков, башкир и других народов, главным образом Поволжья и Сибири.⁸ Несколько месяцев спустя в Музей была возвращена назад лишь часть коллекции. Многие костюмы, в частности восемь чувашских и мордовских рубашек, богато украшенных национальной вышивкой, были безвозвратно утеряны.⁹

Предметы быта русского и других славянских народов, как не представлявшие экзотического интереса, в XVIII в. не коллекционировались. В каталоге 1742 г. упоминаются всего лишь два экспоната этого вида, а именно «русские лапти» и «курьезный» сосуд из свиной кожи, украшенный позолоченными цветами, с русской надписью, «которая выражает следующие суждения — моя кожа превращена в удобный сосуд».¹⁰ Лапти были выставлены, видимо для сравнения, рядом с французским сабо, а сосуд — как один из «курьезитов», широко использовавшихся в качестве приманки для публики в первые десятилетия существования Кунсткамеры.

Значительные коллекции по культуре и быту народов европейской части России поступили в Музей во второй половине XVIII в. от участников академических экспедиций. Физико-топографические экспедиции были предприняты Академией наук в 1768—1774 гг. с целью изучения

⁴ Имеется в виду А. Людерс, владелец коллекции античных монет. См.: И. Г. Спасский. Очерк по истории русской нумизматики. Труды ГИМ, т. 25, М., 1955, стр. 70.

⁵ О Лауферте Каспаре-Готлибе, ниорнбергском медальере (1700—1745), см.: L. Fogg e g. Biographical Dictionary of Medalle: sts, vol. III, London, 1907, s. 326. — Коллекция его в настоящее время хранится в Эрмитаже.

⁶ *Musei Imperialis...*, XI, №№ 53—87, 100—139; XVIII, №№ 1—110.

⁷ Там же, X, №№ 53—87; XI, №№ 100—139; XVIII, №№ 1—110.

⁸ Материалы для истории Академии наук, т. IV. СПб., 1887, стр. 276. — Далее: Материалы.

⁹ Там же, т. III, СПб., 1886, стр. 367.

¹⁰ *Musei Imperialis...*, XIII, № 45; VIII, № 48.

территории от западных границ империи (Белоруссия, Молдавия, Бессарабия) до крайнего северо-востока Сибири и от Северного Ледовитого океана до южного побережья Каспийского моря. В разработке планов и маршрутов этих экспедиций активнейшее участие принимал академик П. С. Паллас, заведовавший в эти годы одним из отделов Кунсткамеры, и адъюнкт И. И. Лепехин. Руководимые ими отряды, получившие наименование Оренбургской экспедиции, обследовали север России, Поволжье и Заволжье. В работах этих исследователей, написанных на основе собранных материалов, зафиксировано множество фактов не только из области естественной истории (специалистами по которой они оба являлись), но и по этнографии русских, карел и различных групп финнов, а также по археологии.¹¹ Существенно пополнились и коллекции Кунсткамеры, в частности коллекции по одежде.¹²

Однако, как показывают путеводители по Кунсткамере конца XVIII—начала XIX в.,¹³ этнографические коллекции по народам Европы и европейской части России к этому времени не представляли значительной ценности, так как, за исключением сокровищ по культуре и быту народов Поволжья (поступивших из академических экспедиций), они состояли из случайных предметов. Видимо, поэтому автор путеводителя по Кунсткамере О. П. Беляев подробно останавливается лишь на коллекциях, характеризующих культуру и быт народов Поволжья, а из иных «искусством произведенных вещей» перечисляет главным образом предметы мемориальные, связанные с личностью Петра I: «бокал весьма искусной работы, присланный в подарок Петру от великого герцога Флорентийского»; «бокал прередкой работы гамбургского токаря Сангера»; «бокал шведской старинной работы, представляющей Бахусово торжество», подаренный Петру Н. Ф. Головиным; «кружка из кости на финифти, внутри позолоченная, трудов российского художника Дудина»; «янтарные ларцы и зеркало, поднесенные Петру прусским королем Фридрихом I»; «этруийские вазы»; «медальный кабинет» и т. д.¹⁴ Как и в предшествующее время, в эти годы основной упор в пополнении фондов Музея делается на приобретение зарубежных сокровищ, однако изредка они пополняются и отечественными коллекциями (рис. 1). Но в целом к началу XIX в. в фондах Отдела Европы скопилось громадное число экспонатов по самым различным дисциплинам. Для обработки и систематизации их периодически привлекались сотрудники Академии наук. Однако этого было недостаточно. Назревала необходимость реорганизации Кунсткамеры путем создания группы специализированных музеев, что и было сделано к 1836 г. На базе коллекций собственно Кунсткамеры вырастает несколько гуманитарных академических музеев: этнографический, нумизматический, египетский и азиатский, в каждом из которых сосредоточиваются соответствующие коллекции.

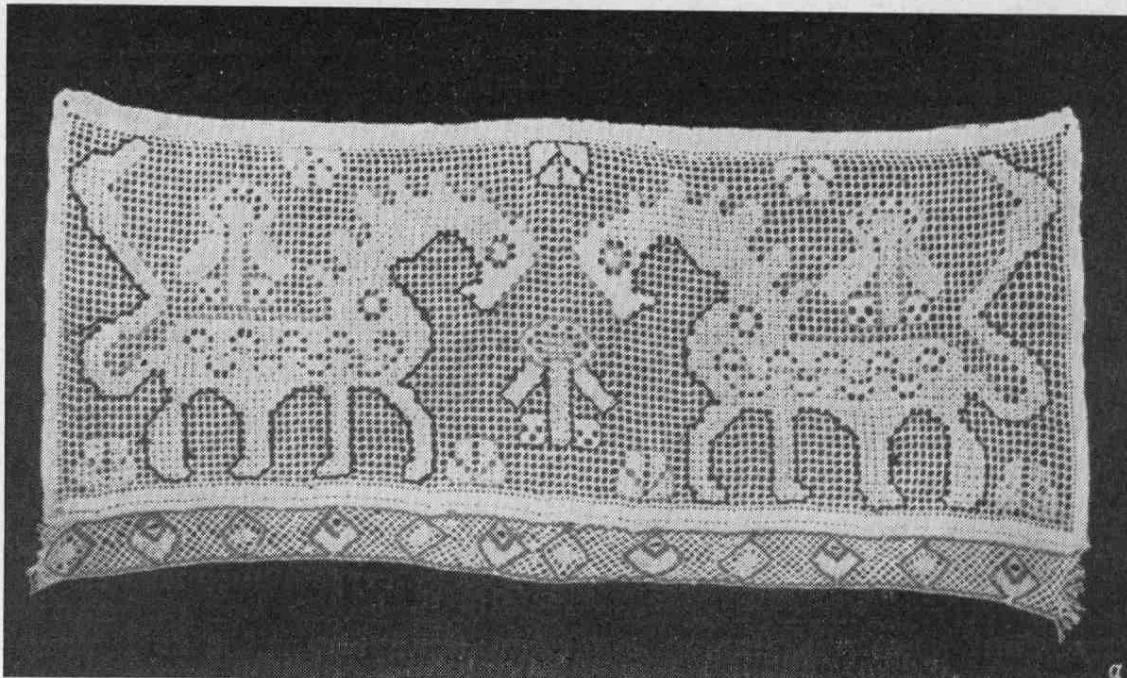
Этнографический музей, директором которого был назначен академик «по истории и древностям российским» А. М. Шегрен, первоначально был

¹¹ П. С. Паллас. 1) Путешествие по разным провинциям Российской империи, чч. I—III. СПб., 1773—1788; 2) Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Академии наук. СПб., 1770—1773; И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. IV. СПб., 1771—1785.

¹² АМАЭ, к. IV, оп. 1, № 3, л. 6. Книга поступлений коллекций; Фонды МАЭ, колл. № 766 и др.

¹³ И. Г. Бакмайстер. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии наук. СПб., 1779; О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого, чч. I—III. СПб., 1800.

¹⁴ О. П. Беляев. Кабинет Петра Великого, ч. II, стр. 147—148, 150—151.

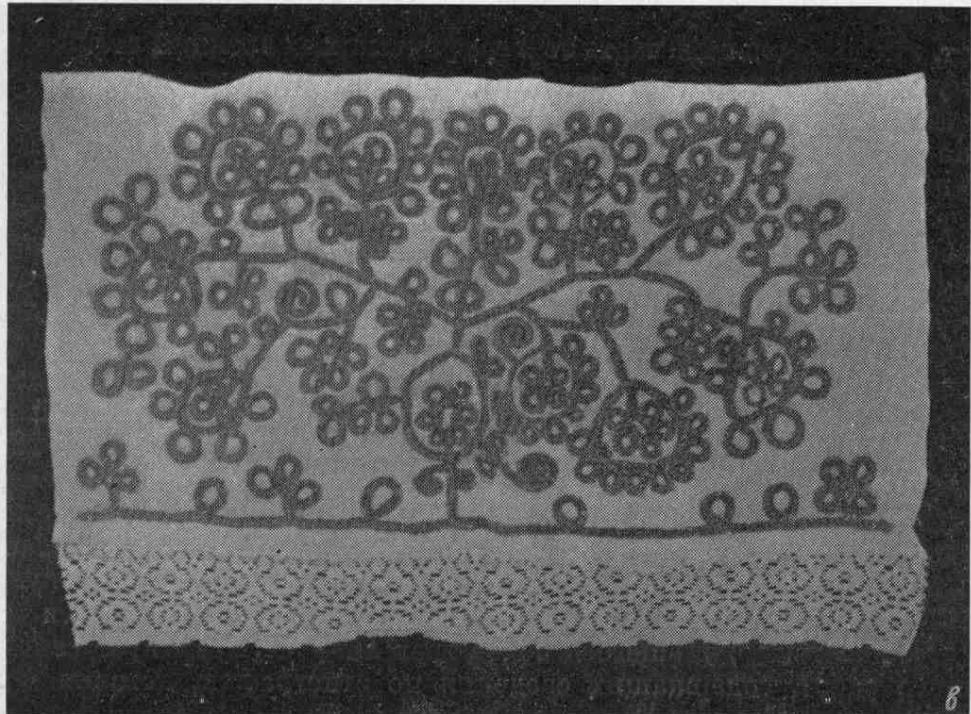

a

б

Рис. 1. Русская вышивка из коллекции И. А. Шляпкина.
а — № 3700-207; *б* — № 3700-234; *в* — № 3700-252; *г* — № 3700-203.

8

2

Рис. 1 (продолжение).

небогат, так как большая часть этнографических коллекций отошла к Азиатскому музею. Пополнялись же фонды его крайне медленно.

А. М. Шегрен мало времени уделял Музею. Он занимался преимущественно экспедиционными обследованиями. Научные интересы его были очень широки и охватывали территориально главным образом культуру народов европейской части России. Первоначально Шегрен предпринимает обследование северных и северо-западных областей империи и соседствующих с ними районов Финляндии (финской Лапландии). На основании собранных материалов по этнографии, истории, географии и лингвистике он впервые доказывает, что ряд народов России ведет свое происхождение от «чудского племени» («Когда и как обрусили Заволочье и Заволоцкая чудь», «О финском народонаселении С.-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия»).¹⁵ В 1846—1852 гг. Шегрен совершает несколько поездок в Литву и Эстонию, где собирает значительный этнолингвистический материал, доказывающий, что ливы и кверинги сыграли большую роль в этногенезе населения этих областей.¹⁶

Во второй половине XIX в. внимание Шегрена привлекает культура народов Крыма и Кавказа.¹⁷ На основе материалов, собранных им во время путешествия, длившегося более трех лет,¹⁸ он публикует значительное число работ, содержащих сведения по этнографии, истории и лингвистике народов Кавказа.¹⁹

В ходе исследований ученый устанавливает деловые контакты с местными научными учреждениями, в частности с Кавказским отделением Географического общества. Приветствуя намерение местных ученых «приложить все возможное старание к разъяснению... покуда еще темных и запутанных взаимных отношений народов Кавказских», он разрабатывает в помощь им «этнографическую программу», где особенно подчеркивает важность изучения Кавказа, так как «с самых древних времен Кавказ с прилегающими странами представлял и ныне еще представляет неисчерпаемый источник для географии и других с нею связанных наук, особенно этнографии».²⁰ Он рекомендует фиксировать возможно подробнее данные о «названии народов, какими именно каждый сам себя и других, соседствующих и дальних, называет», «пространстве и местности, народом занимаемых, и граничность с другими соседственными»; «числе населения... телосложении... нравах... одежду... жилище... гражданской и церковной архитектуре... местоположении и устройстве аулов», «образе жизни... с описанием производства каждого из них и употребляемых орудий», а также о пище, обрядах, языке, фольклоре и многих других

¹⁵ Memoires de l'Academie Imperial de Sciences de St.-Petersbourg, s. VI, tt. I—II, SPb., 1832—1834; Bulletin phismathem, t. XIV, №№ 21—24, pp. 347—352, 326—331.

¹⁶ Извлечение из отчета А. М. Шегрена об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию. Записки РГО, кн. 2, 1847; Путешествие акад. Шегрена в Курляндию для исследования остатков древних мифов. Вестник РГО, ч. VII, 1853.

¹⁷ ААН, ф. 733, оп. 12, № 424, лл. 80—84. Об отправлении в путешествие экстраординарного академика Шегрена на Крымский полуостров, в Грузию и на Кавказ в 1830—1840 гг.; там же, ф. 194, оп. 1, №№ 256—261, 274 (1853—1858). Дневники путешествия.

¹⁸ ААН, ф. 733, оп. 12, д. 424, лл. 19—21. Формулярный список о службе и достоинстве экстраординарного академика Андрея Шегрена.

¹⁹ Voyages dans les vallées centrales du Caucase pour l'étude approfondie de la langue, des moeurs et des traditions populaires des montagnards de l'Ossithie. Faits en 1836 et en 1837 par M. Sjögren de l'Academie impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Paris, 1848; Bulletin in de la Classe phisicomathematique de l'Academie impériale des Sciences de St.-Petersbourg, t. XXV, 1856, №№ 21—24.

²⁰ ААН, ф. 30, оп. 1, № 451, л. 45, 1854 г. Этнографическая программа А. М. Шегрена.

сторонах духовной и материальной культуры.²¹ Одновременно он рекомендует «не упускать из виду, собирать образцы исчисленных... выше ве-щай в настоящем и в уменьшенном виде и в моделях» для Этнографического музея, указывая, что «модели лучше всего могут составлять спо-собные к тому лица из среды самих тех народов, к которым относятся образцы и модели».²² Этой программой кавказоведы-этнографы пользова-лись долгие годы. Даже в 1859 г. при обсуждении на общем собрании Академии наук плана изучения Дагестана академик А. А. Шифнер реко-мендовал комиссии «относительно этнографии руководствоваться програм-мой, составленной покойным академиком Шегреном».²³

Во время своих многочисленных путешествий Шегрен собирал мате-риалы и приобретал коллекции для Этнографического музея,²⁴ налаживал связи с местными учеными или просто с лицами, интересующимися исто-рией и этнографией народов Кавказа, от которых впоследствии Академия наук получила немало научных и статистических материалов, а акаде-мические музеи — много различных коллекций.²⁵

Значительные сведения о численности и составе населения Кавказа были, например, присланы в Академию наук Г. А. Емануэлем, биография которого довольно любопытна. Венгр по подданству, серб по национальности, Г. А. Емануэль в 1806 г. поступил на службу в русскую армию, где вскоре сделал блестящую карьеру. Будучи назначен начальником Кавказской области, он живо заинтересовался историей народов, населяю-щих ее, активно способствовал изучению края и принимал сам в этом посильное участие. Некоторые из собранных им этнографических мате-риалов о населении ногайских, аварских и чеченских аулов, а также до-несение «Как велико народонаселение черкесских племен за Кубанью», где приводятся подробные данные о численности населения, составе семей и другие сведения по истории Кабарды, хранятся в Архиве Академии наук и не утеряли своего научного значения вплоть до наших дней. За эти труды, а также за научно-организаторскую деятельность Емануэль был избран почетным членом Академии наук.²⁶ Музей использовал для приоб-ретения коллекции по этнографии народов Кавказа и иностранных путе-шественников. Так, например, Академия (по ходатайству Музея) отпу-стила средства для приобретения коллекций чешскому биологу Фридриху Коленати.²⁷ В течение двух лет (1844—1845) он обследовал Северный Кавказ и Закавказье и приобрел интереснейшие собрания одежды раз-личных народов (в частности, черкесов, грузин и курдов), а также ору-жия и утвари.²⁸ Историю сбора этих коллекций он описал в путевом дневнике.²⁹ В настоящее время они являются старейшими из всех имею-щихся в музеях страны собраний по перечисленным народам. Некоторые из них (например, одежда курдов Закавказья) впервые публикуются в этом сборнике.

²¹ Там же, лл. 45—53.

²² Там же, л. 47 об.

²³ Там же, ф. 30, оп. 1, № 451, л. 18. Протокол историко-филологического отде-ления АН.

²⁴ Там же, ф. 194, оп. 1, №№ 256—261, 274 и др.

²⁵ Там же, разряд XV, оп. 1, № 4, 1816—1853 гг. Переписка.

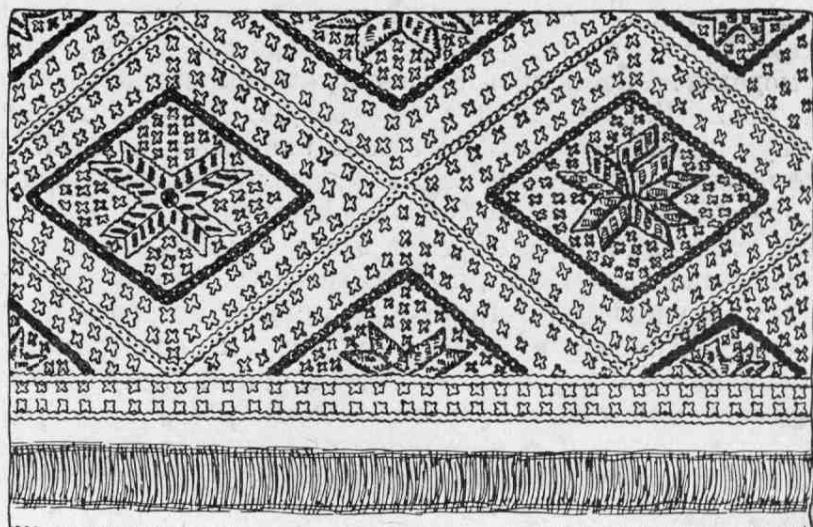
²⁶ Н. Б. Голицын. Жизнеописания генерала от кавалерии Емануэля. СПб., 1851, стр. 172, 195 и др.; ААН, ф. 32, оп. 1, № 66, лл. 6, 9—24.

²⁷ ААН, ф. 1, оп. 2, 1843 г., № 16, § 78; оп. 1а, 1843 г., § 10. Протокольные бумаги.

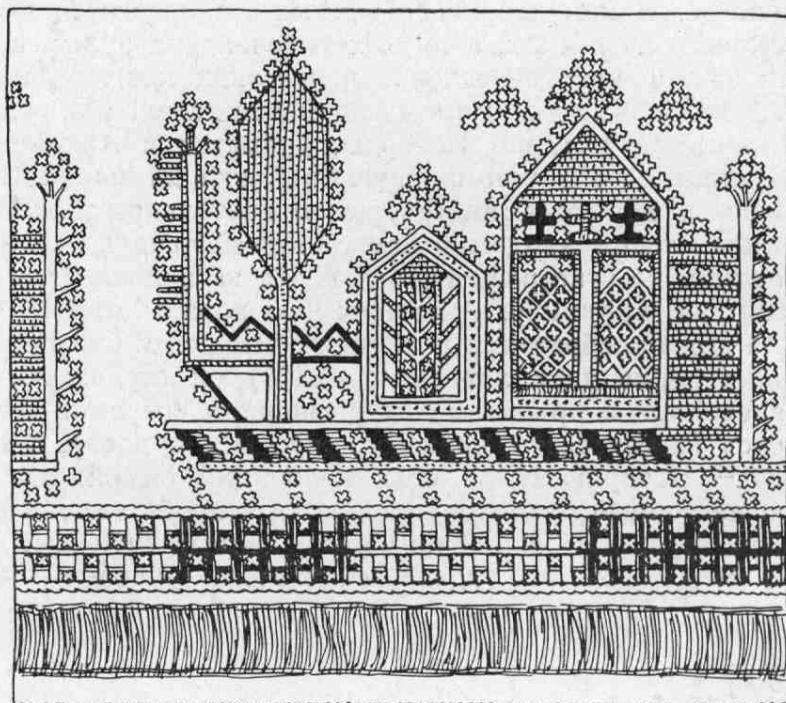
²⁸ Там же, ф. 1, оп. 1а (1844 г.), № 70, §§ 22, 78, 99 и 228. Протокольные бу-маги; АМАЭ, к. IV, оп. 1, № 3, стр. 17—18. Опись коллекций.

²⁹ Die Bereisung Hocharmeniens und Elisabethopols der Sehekischen Provinz und der Kasbek im Central Kaukasus von F. A. Kolenatii. Dresden, 1858, S. 41.

Пополнились фонды Музея также новыми моделями. В 1890 г. учитель рисования Квирильского нормального училища Ф. У. Хускивадзе

а

б

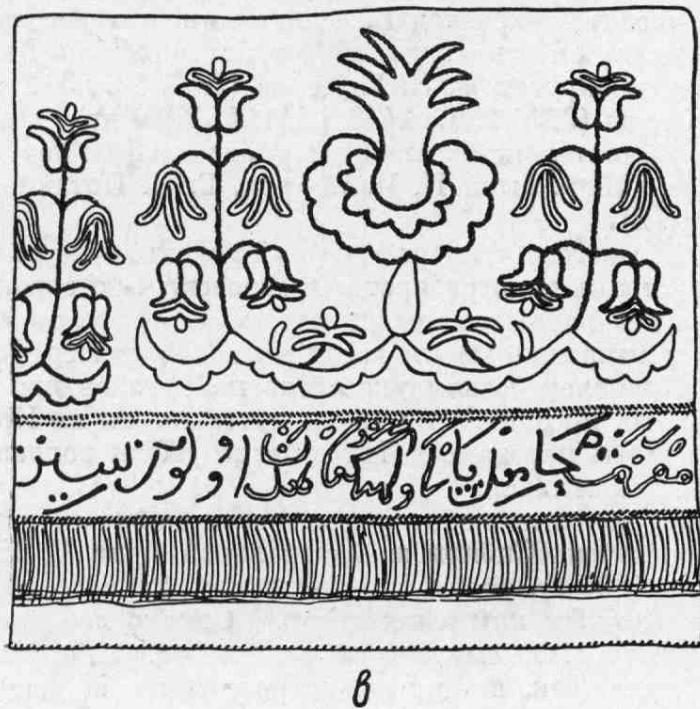
Рис. 2. Татарская вышивка из коллекции П. М. Мильеранского. Крым.

а — № 450-1; б — № 251-25.

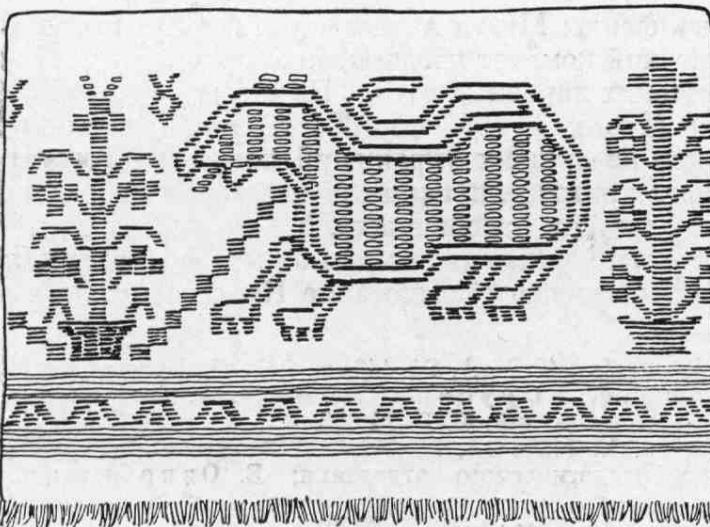
присыпает коллекцию моделей сельскохозяйственных орудий, бытующих в Шарапанском уезде Кутаисской губернии, «с обозначением их грузинских названий» и «описанием способа употребления».³⁰ В 1897 г. краевед

³⁰ ААН, ф. 1, оп. 1а (1890 г.), № 137, л. 118. Протокол заседания физико-математического отделения.

А. П. Архипов присыпает модели орудий и утвари. В 1899 г. адмирал К. Н. Посьет дарит Музею коллекцию оружия, утвари и музыкальных инструментов курдов (№№ 466—485, 525—530, 805); в 1902 г. начальник

в

г

Рис. 2 (продолжение).

в — № 251-23; г — № 2761-5.

округа Терской области краевед-любитель полковник Д. А. Вырубов³¹ присыпает в Музей модели древних построек (№ 693) и альбом зарисовок кабардинских и болгарских древностей (зданий, костюмов и надгроб-

³¹ Известия археологической комиссии. Прибавление, выпуск № 6, СПб., 1903, стр. 48—50.

ных сооружений).³² В 1903 г. от него же поступили модели надмогильных сооружений горной Осетии (№ 714).

Кроме него, в конце XIX—начале XX в. по Осетии, а также Терской и Кубанской областям «составлением этнографических коллекций» занимался местный любитель-краевед Е. Ознобишин, интересовавшийся главным образом хозяйством и материальной культурой;³³ по Дагестану — управляющий горным округом И. Н. Глушков (№№ 23, 53, 2550) и учитель Расол Магомет Оглы (№№ 2357, 2440, 2441, 4545) и др.

Основными собирателями коллекций по этнографии народов Крыма во второй половине XIX в. были П. И. Кеппен, Г. Н. Потанин и П. М. Мильверанский (рис. 2).

П. И. Кеппен, много лет проработавший главным инспектором шелководства, садоводства и виноградарства, искалесил всю европейскую часть России и собрал значительные материалы по этнографии и статистике населения края, суммированные им впоследствии в этнографической карте России³⁴ и в «Хронологическом указателе материалов для истории иностранных Европейской России».³⁵ Во время путешествия по Крыму им были приобретены, а затем переданы в Музей этнографии коллекции по культуре и быту крымских татар.³⁶

Способствовал пополнению этой коллекции также известный путешественник, исследователь Сибири и Центральной Азии Г. Н. Потанин, от которого в 1882—1899 гг. поступили коллекции, характеризующие народное искусство и одежду крымских татар.³⁷ Однако все эти поступления были незначительны. Поэтому Музей использовал каждую возможность пополнить собрание. Так, например, по поручению Музея в 1894 г. интереснейшая коллекция одежды, вышивок крымских татар была приобретена тюркологом, магистром Петербургского университета П. М. Мильверанским.³⁸

Обогащались фонды Музея и иллюстративными материалами. Кавказский статистический комитет неоднократно присыпал (1881—1906 гг.) фотографии кавказских народных типов. По отзыву академика Л. И. Шренка (заведовавшего Музеем с 1855 по 1894 г.) эта коллекция из 200 листов «составляла одно из лучших украшений по своему богатству, разнообразию и особенному интересу, представляемому ею как в антропологическом, так и в этнографическом отношении».³⁹

«Топографические описи» экспозиции музея (разных лет)⁴⁰ показывают, что этнографическое обследование Кавказа нашло в ней свое отра-

³² ААН, ф. 1, оп. 1а (1902 г.), № 149, л. 285 об. Протокол историко-филологического отделения; Д. А. Вырубов. Альбом с рисунками жилищ, могильных памятников, одежды и украшений. МАЭ, № 693.

³³ ААН, ф. 1, оп. 1а (1896 г.), № 143, л. 248 об.; оп. 1а (1895), л. 258 об. Протоколы историко-филологического отделения; Е. Ознобишин. 1) К вопросу о земледелии в Донской области. «Донские областные ведомости», 1875, № 14; 2) Станица Митякинская. Там же, 1875, № 19.

³⁴ Этнографическая карта Европейской России, составленная Петром Кеппеном. СПб., 1852—1855.

³⁵ П. И. Кеппен. Хронологический указатель материалов для истории иностранных Европейской России. СПб., 1861.

³⁶ АМАЭ, к. IV, оп. 1, № 6, стр. 41; №№ 44, 72, 87 и 94.

³⁷ ААН, ф. 1, оп. 1а (1900 г.), № 147, лл. 214 об., 247. Протокол историко-филологического отделения; АМАЭ, к. IV, оп. 1, № 6, л. 59 об., №№ 127, 139, 450, 452.

³⁸ ААН, ф. 1, оп. 1а (1895 г.), №№ 142, 196. Протокол историко-филологического отделения; МАЭ, опись коллекций, № 251.

³⁹ ААН, ф. 1, оп. 1а (1881 г.), № 129, л. 118; оп. 1а (1883 г.), № 131, л. 59 об. Протоколы физико-математического отделения; там же, оп. 1а (1906 г.), лл. 313, 313 об.; МАЭ, Альбом № 3375 и др.

⁴⁰ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 12. Топографическая опись Этнографического музея, составленная Федором Петровичем Кеппеном (1864—1865).

жение. Начиная с 1860-х годов ряд шкафов и витрин (№№ 156, 21, 22, 23) отводится для демонстрации одежды, обуви, оружия, музыкальных инструментов и утвари народов Кавказа. Экспонировались также каменные бабы, другие надгробные изваяния и сооружения, привезенные оттуда (шк. 25), модели лодок и орудий, выполненные крымскими татарами.

Гораздо хуже в XIX в. обстояло дело со сбором материала по этнографии отечественных славянских народов (рис. 3) и народов Европы. Несмотря на то что духовная культура и, в частности, фольклор восточных славян начиная с 1810-х годов привлекает многих исследователей, их материальный быт остается фактически почти неизученным. Как справедливо отмечал Д. К. Зеленин, «до самого последнего времени совершенно почти пренебрегали вопросами о внешнем быте русского народа, сосредоточив главное свое внимание на народной словесности».⁴¹

Накопление коллекций по этнографии русского народа в XVIII—начале XIX в. осуществлялось крайне медленно. В этот период в МАЭ поступают лишь отдельные случайные вещи или небольшие коллекции. Примером может служить одна из старейших коллекций отдела (№ 73), подаренная Музею в 1876 г. ориенталистом П. И. Лерхом. Несмотря на то что Лерх не чуждался этнографии и даже написал ряд работ по культуре и быту курдов,⁴² коллекция эта была подобрана без всякой системы. В нее входили ткани, вышивки, утварь и музыкальные инструменты из различных губерний. Поэтому, несмотря на то что отдельные предметы, характеризующие культуру русского народа (например, концы полотенец из Олонецкой и Тверской губерний), представляли для науки определенный интерес, коллекция в целом выглядела, как сборище случайных предметов.

По подбору экспонатов одним из лучших было собрание известной коллекционерки М. К. Каблуковой-Горбуновой, которая «собирала кружева всю свою жизнь с большим знанием и умением». Поднесенная ею Музею в 1903 г. коллекция (№ 786) содержала свыше 670 образцов русского кружева и представляла вполне готовый к научной обработке материал, сопровождаемый специальной литературой по кружевоплетению. Желая особенно отметить этот «ценный дар», академик В. В. Радлов (директор МАЭ с 1894 по 1918 г.) просил отделение «выразить госпоже Каблуковой признательность Академии наук избранием ее корреспондентом Музея», что в 1903 г. и было осуществлено (рис. 4).⁴³

Свыше 800 предметов содержали коллекции, поступившие в начале 1900-х годов от А. В. Журавского. Зеведя естественноисторической станцией на Печоре, в с. Усть-Цильме, А. В. Журавский знакомится с бытом местного русского старожильческого населения края и приобретает для Музея редчайшее собрание по хозяйству, быту, народному искусству, верованиям и другим сторонам культуры этой интересной локальной группы (№№ 935, 1011, 1036, 1226, 1877 и др.). Им же были приобретены для МАЭ коллекции по быту русского населения Мезенского уезда Архангельской губернии (№ 1101). Однако далеко не все заинтересовавшие его предметы быта удавалось приобрести. Так, например, посылая в Музей экспонаты, связанные с рыболовным промыслом, он сетовал: «Когда возьмешься за дело и втянешься в него, страшно обидно упускать интересные вещи». В числе последних Журавский упоминал, например,

⁴¹ Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива ИРГО, вып. I. Пг., 1914, введение, стр. VII.

⁴² МАЭ, к. IV, оп. 1, № 6, стр. 46.

⁴³ ААН, ф. 1, оп. 1а (1903 г.), № 150, л. 324 об. Протокол заседания историко-филологического отделения.

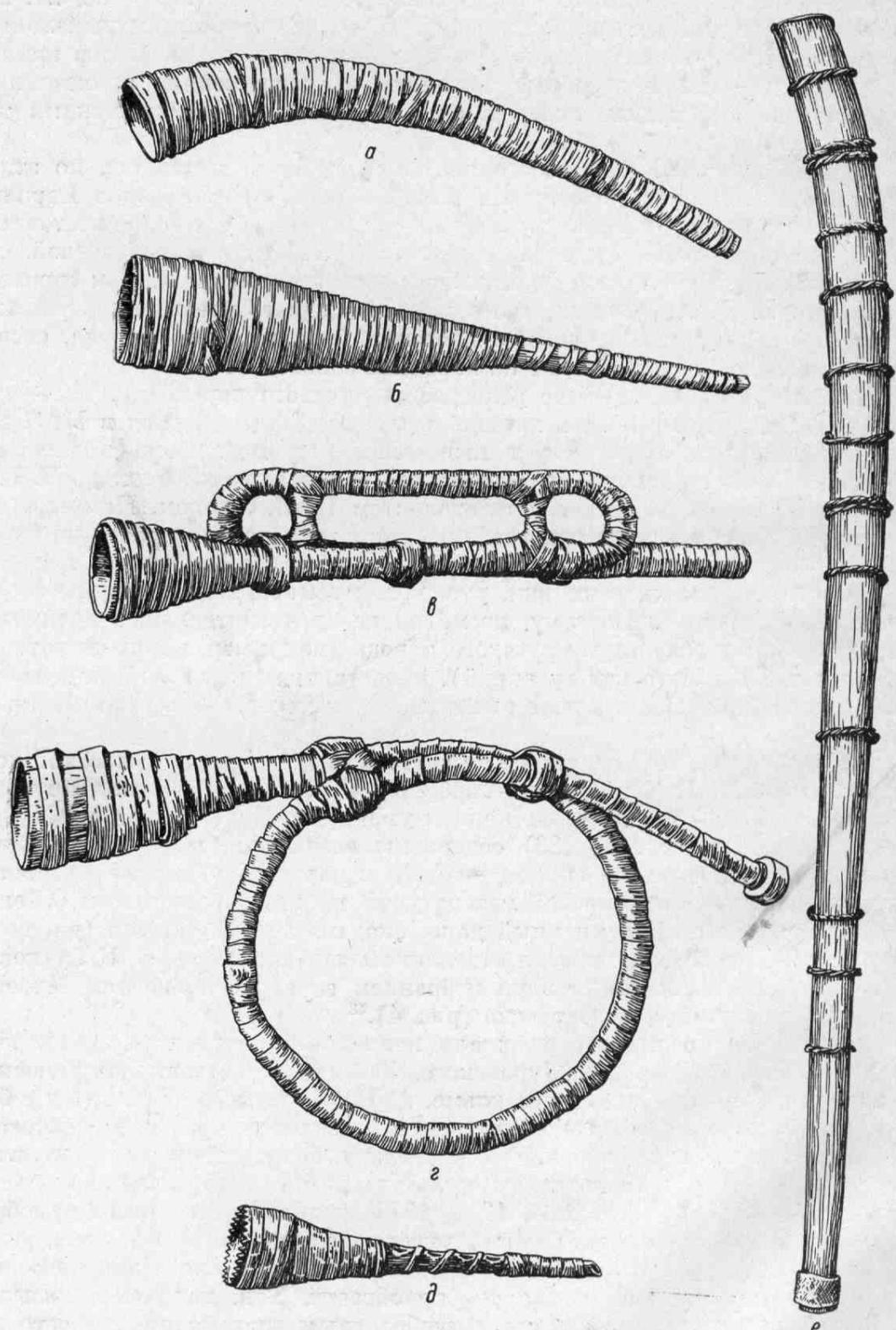

Рис. 3. Пастушки рога и трубы из коллекций М. А. Круковского и В. А. Машкова.

a — литовцы (№ 298-19); *б* — вепсы (№ 4705-7); *в—д* — русские (№№ 504-51, 52 и 53); *е* — белорусы (№ 406-5).

«топсель» — большой парус, «сшитый из полос красной, синей, желтой и зеленої материи (квадрат в рамке из полос) ...», который употреблялся богачами, когда те возвращались с богатой добычею, и навешивался на особой рее поверх (спереди) настоящего (простого) паруса»; «...прежде, говорят, с такими топселями наезжали казаки; ими будто бы украшалась ладья старшого». Однако из-за высокой цены этот топсель приобрести для Музея не удалось.⁴⁴ Очень ценно, что сохранилось хотя бы его описание.

А. В. Журавский не только сам собирал коллекции, но и привлекал к этому других. Благодаря его посредничеству МАЭ получил от уездного исправника Печорского края А. И. Рогачева и некоторых других лиц «рукописную картину XVIII века», солоницу, ларчик и другие художественные изделия печорских русских.⁴⁵

Сибирик, «почетный гражданин», Г. М. Осокин, обогативший Музей значительным числом собраний по народам Сибири и Дальнего Востока, в особенности по культуре и быту бурят и монголов (№№ 327, 328, 390—394, 507—510), в 1897—1899 гг. прислал в Музей ряд коллекций, характеризующих быт забайкальских старообрядцев (так называемых «семейских»). Коллекции Осокина (№№ 388, 457) дают представление об одежде,⁴⁶ народных промыслах и интерьере этой группы русского народа, переселенной в Забайкалье в конце XVIII в. и обитавшей в инородческом и иноязычном окружении.⁴⁷

Сотрудники МАЭ охотно инструктировали лиц, интересующихся этнографией, а таких было немало, особенно из числа политических ссыльных и сельской интеллигенции. «Желая приняться за собирание памятников народного творчества среди местного населения,— пишет И. А. Евсенин, живущий на поселении в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии,— а также за изучение его нравов и быта, не имея возможности приобрести книгу по данному вопросу, почтительнейше прошу Академию наук не отказать мне в необходимых для этого советах и указаниях».⁴⁸

В числе политических ссыльных, связавших свою судьбу с МАЭ и впоследствии ставших сотрудниками Музея, можно назвать Д. А. Клеменца, работавшего с 1897 по 1901 г. старшим этнографом в МАЭ, Л. Я. Штернберга,⁴⁹ возглавившего вслед за Клеменцем научную работу в Музее, фотографа музея С. М. Дудина.

Прекрасный фотограф-любитель С. М. Дудин, еще будучи в ссылке в г. Троицосавске, прислал (в 1897 г.) в МАЭ ряд альбомов фотоснимков, существенно дополнивших коллекцию Осокина по русскому населению Забайкалья. Альбомы содержали пейзажи, а также портреты типичных представителей забайкальских старообрядцев.⁵⁰

⁴⁴ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 49, л. 31 и об. Письмо А. В. Журавского Л. Я. Штернбергу от 6/X 1906 г.

⁴⁵ ААН, ф. 1, оп. 1а (1905 г.), № 152, л. 411 об. Протокол заседания историко-филологического отделения.

⁴⁶ Описание этой коллекции см. в настоящем сборнике, в статье А. А. Лебедевой «Одежда одной из локальных групп русского населения Забайкалья (старообрядцев)».

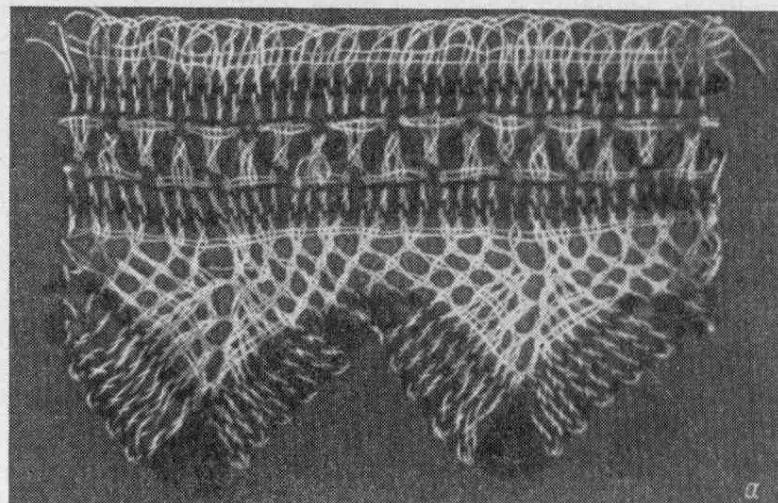
⁴⁷ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 52, л. 89. Докладная записка старшего этнографа Д. А. Клеменца директору МАЭ В. В. Радлову от 7/VI 1899 г.

⁴⁸ ААН, ф. 1, оп. 1а (1911 г.), № 158, л. 380 об. Протокол заседания историко-филологического отделения.

⁴⁹ Т. В. Станюкович. Л. Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии. Труды Института культуры, т. III, М., 1972.

⁵⁰ ААН, ф. 1, оп. 1а (1897 г.), № 144, л. 272 об. Протокол историко-филологического отделения.

Из обогатителей Музея можно также назвать члена Археологического института Н. И. Воробьева, собравшего коллекцию в Рязанской губернии (№ 1178), инспектора Уржумского городского училища Рязанцева (фотографии по быту населения Уржумского уезда),⁵¹ студента Петроградского

α

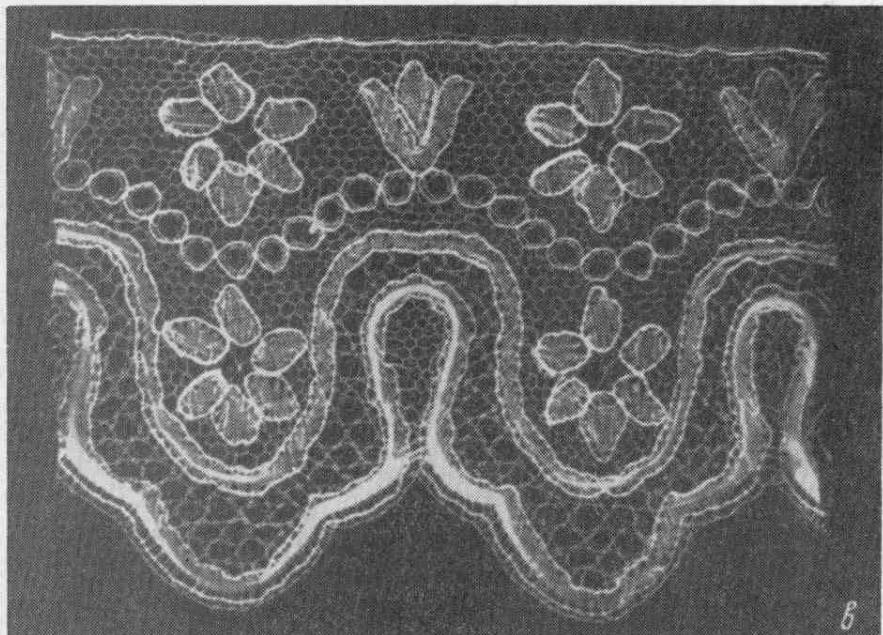
б

Рис. 4. Русское кружево из коллекции М. К. Каблуковой-Горбуновой.
а — № 786-452; б — № 349-23; в — № 786-180; г — № 784-189; д — № 786-509; е — № 786-488;
ж — № 786-490.

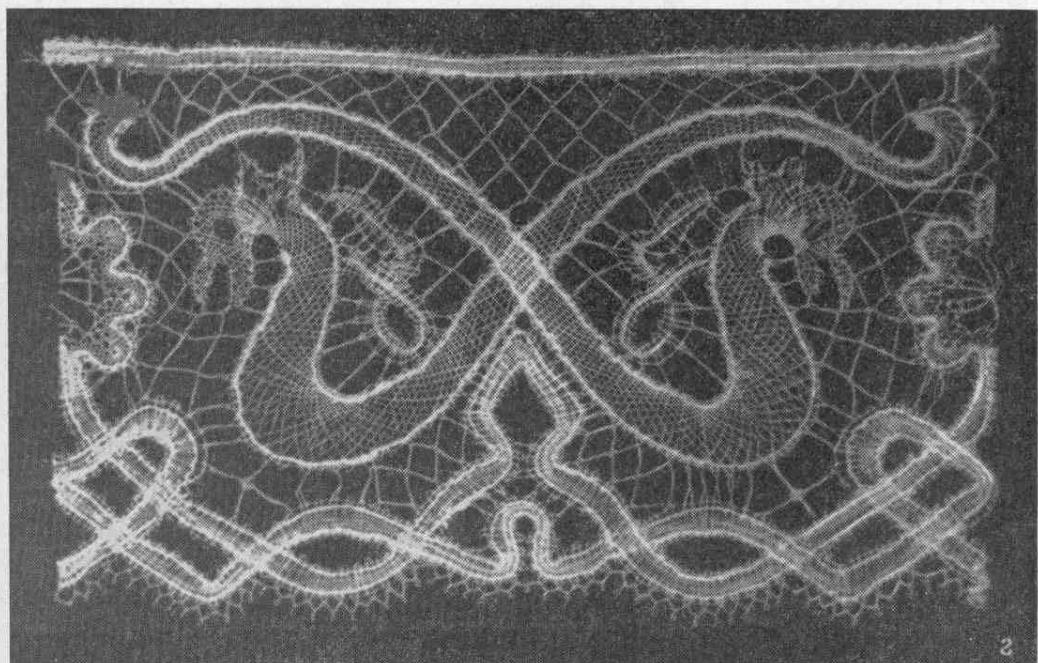
технологического института Г. Д. Федорова, крестьянина Архангельской губернии А. М. Сумарокова,⁵² крестьянина Тобольской губернии С. С. Усова, от которых поступили в отдел «книги стары», «старинные

⁵¹ ААН, ф. 1, оп. 1а (1895 г.), № 142, л. 219 об. Протокол историко-филологического отделения.

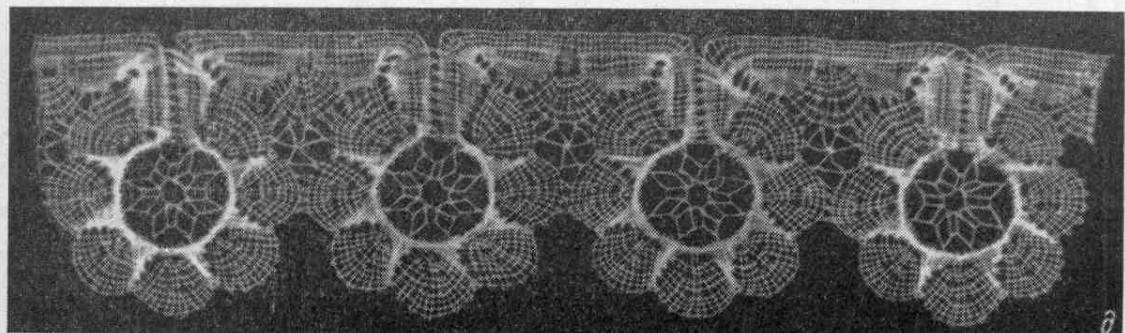
⁵² ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 66, л. 4. Открытый лист; там же, № 69, л. 116. Благодарственное письмо В. В. Радлова Сумарокову от 12/V 1915 г.

б

2

в

Рис. 4 (продолжение).

2*

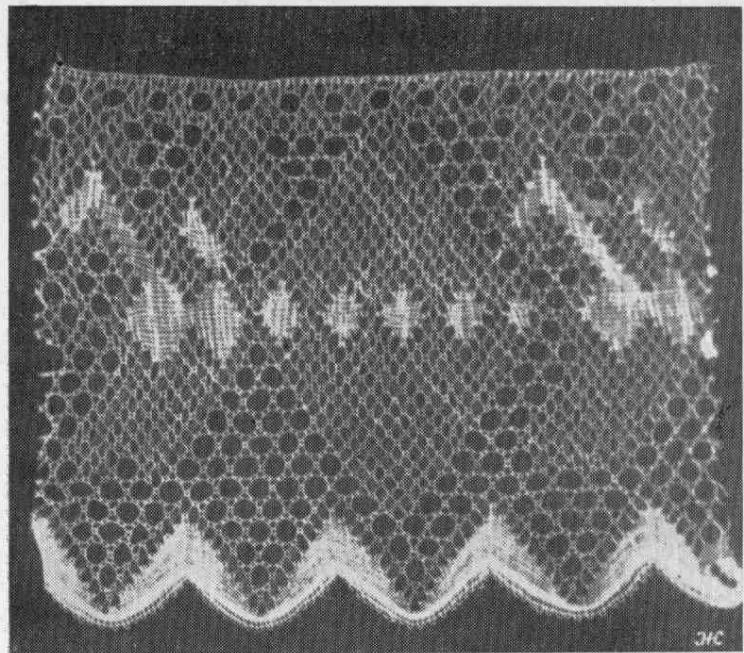

Рис. 4 (*продолжение*).

светцы», «палка с изображением годового порядка»,⁵³ крестьянина Максима Евдокимова (пожертвовавшего в Музей коллекцию из 155 предметов, характеризующих одежду, украшения и художественные промыслы крестьян Вологодской губернии),⁵⁴ студента Д. Д. Руднева (предметы быта из Орловской и Архангельской губерний)⁵⁵ и многих других.

«Открытые листы» на право изучения и сбора материала по русскому населению самых различных областей и районов получили в 1908—1910 гг. многие корреспонденты Музея и некоторые художники.⁵⁶ Одновременно с работой, соответствующей их собственным интересам, они подбирали коллекции для Музея, а с громоздких предметов заказывали модели. В их числе были: прикомандированный к Музею К. В. Щенников, приславший большую коллекцию образцов домотканых изделий Вятской и Новгородской губерний, собрание орнаментов и коллекций по этнографии народов Поволжья;⁵⁷ корреспондент МАЭ А. И. Кохановский,⁵⁸ художник Н. А. Шабунин, от которых в Музей поступили прекрасная коллекция одежды русского населения Архангельской губернии (№ 893), образцы художественных изделий из металла (№ 894) и ряд других собраний (№№ 974, 1154, 1155, 1164, 1173, 1181); художник П. С. Захаров, собравший в Архангельской и Олонецкой губерниях коллекцию архаической вышивки (№ 2076) и другие экспонаты (№ 1746); скульптор В. И. Каменский, обследовавший Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую губернии и доставивший в Музей предметы быта (№ 1113); А. А. Куренной, «классный художник», посетивший по «Открытым листам» Музея Орловскую, Курскую, Ярославскую, Нижегородскую и Вологодскую губернию⁵⁹ (он передал в фонды Музея фотографии и зарисовки этнографического характера); делопроизводитель Министерства путей сообщения В. Р. Апухтин, собравший для Музея коллекцию детских кукол из Орловской губернии, и т. п.⁶⁰

Автор научно-популярных очерков и альбомов по этнографии народов России М. А. Круковский⁶¹ объездил многие области России, подбирая материал для своих путевых очерков, альбомов, а также для работы «Переселение и этнография».⁶² Он побывал в Уфимской, Оренбургской и Олонецкой губерниях, где для МАЭ приобрел ряд коллекций (№№ 504, 515, 1363, 1919, 2354). Кроме того, будучи фотографом-любителем, он систематически снабжал Музей своими фотоснимками.⁶³

Наиболее активную роль в пополнении фондов МАЭ материалами по культуре и быту русского народа сыграло Географическое общество. Несколько десятков коллекций, переданных им Музею, содержали одежду,

⁵³ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 64, л. 145. Письмо Усова Радлову от 12/I 1912 г.; там же, ф. 1, оп. 1а (1912 г.), № 159, л. 333 об. Протокол заседания историко-филологического отделения.

⁵⁴ ААН, ф. 1, оп. 1а (1912 г.), № 159, л. 402 об. Протокол заседания историко-филологического отделения.

⁵⁵ АМАЭ, к. IV, оп. I, № 6, л. 65 об.; № 1075.

⁵⁶ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 55, лл. 39, 40, 43, 47, 61, 62. Открытые листы.

⁵⁷ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 66, л. 9. Открытый лист от 18/V 1913 г.

⁵⁸ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 66, л. 225. О дипломе члена-корреспондента.

⁵⁹ ААН, ф. 1, оп. 1а (1900 г.), № 147, л. 279. Протокол историко-филологического отделения; там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 55, л. 65.

⁶⁰ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, л. 418. Отношение В. В. Радлова в историко-филологическое отделение АН от 3/XII 1903 г.; там же, ф. 1, оп. 1а (1904 г.), № 151, л. 253 об. Протокол историко-филологического отделения, прил. 2.

⁶¹ М. А. Круковский. 1) Россия в картинках, вып. I—XII. СПб., 1903; 2) Олонецкий край. СПб., 1904.

⁶² ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, лл. 98—100. Отношение в историко-филологическое отделение.

⁶³ ААН, ф. 142, оп. 1, № 55, лл. 40, 43. Открытые листы.

головные уборы, обувь, а также посуду, утварь, музыкальные инструменты и вышивки различных групп русского народа (№№ 298, 347, 350, 369, 371, 3129, 1560—1561, 5322 и др.). Члены Общества охотно выполняли поручения Музея, а также по собственному почину собирали и дарили ему коллекции.

Немалую роль в обогащении Музея сыграли Палаты государственных имуществ. Пермская, Владимирская, Орловская, Уфимская, Ярославская, Тамбовская, Воронежская, Курская и Костромская палаты прислали в Музей модели сельскохозяйственных орудий (№№ 260, 289, 355, 357, 362, 363, 420, 656 и др.), коллекции «лесных изделий» Пермской и Нижегородской губерний (№№ 357, 370), модели судов (№ 359) и приборов для изготовления огня (№ 3478), образцы обрядовой и повседневной пищи Орловской и Уфимской губерний (№№ 490, 3967, 5128) и др.

С рядом учреждений, например с Фарфоровым заводом (ныне заводом им. М. В. Ломоносова), у Музея установились крепкие деловые связи: Музей помогал материалами и консультацией художникам для создания скульптурных изображений типов населения России. Завод же обязательно присыпал в МАЭ образцы всех выпускаемых им скульптур этнографического профиля (№№ 1325, 1504, 2050, 2064, 2134).

Сбор коллекций по материальной культуре украинского народа начался лишь в 1890-е годы.⁶⁴ Одним из первых собирателей Музея антропологии и этнографии по славянским народам был упоминавшийся выше С. М. Дудин, украинец по происхождению. По прибытии из ссылки он поступил на работу в МАЭ, причем выполнял там самые разнообразные обязанности. Подчеркивая разнохарактерность деятельности С. М. Дудина, академик С. Ф. Ольденбург (хорошо знавший его по совместной работе в Музее) в статье, посвященной его памяти, писал: «Художник, музейный работник, путешественник, этнограф, археолог — имя его не будет забыто!»⁶⁵ В 1894 г. С. М. Дудин совершил поездку в Полтавскую, Киевскую и Херсонскую губернии для работы «главным образом в среде коренного малорусского населения», где имел поручение «собрать для академического Музея этнографическую коллекцию из быта малорусского населения и составить этнографический альбом».⁶⁶ Из этой поездки С. М. Дудин привез коллекции, характеризующие одежду и утварь украинцев ряда губерний, и великолепную коллекцию украинской вышивки (№№ 270, 5327). Прекрасный фотограф-практик и страстный пропагандист фиксации всех памятников старины и вообще предметов материальной культуры путем фотографирования,⁶⁷ он создал интереснейший альбом, также хранящийся в Музее.⁶⁸ Коллекции были снабжены подробным описанием и докладной запиской, в которой С. М. Дудин излагал назревшую необходимость скорейшего сбора коллекций по материальной культуре украинского народа, ибо «дешевизна фабричных материалов ускоряет и без того скорую замену старых бытовых форм, и вот плахты и запаски заменяются ситцевыми юбками, корсетки — кофточками, головные уборы — платками, свитки и чамарки — пиджаками, расписанные под иконами бабами-художницами от руки „шпалеры“ — дешевенькими обоями. Понижение мате-

⁶⁴ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, л. 191. Отношение МАЭ в историко-филологическое отделение.

⁶⁵ С. Ф. Ольденбург. Памяти С. М. Дудина. Сб. МАЭ, т. IX, Л., 1930, стр. 357.

⁶⁶ ААН, ф. 1, оп. 1а (1894 г.), № 141, л. 250. Протокол историко-филологического отделения.

⁶⁷ С. М. Дудин. 1) Фотография в этнографических поездках. Казанский музейный вестник, 1921, №№ 1—2; 2) Фотография в научных поездках. Краеведение, 1923, №№ 1—2.

⁶⁸ Э. К. Пекарский. С. М. Дудин. Сб. МАЭ, т. IX, Л., 1930, стр. 347.

риального благосостояния делает то, что старинные постройки уже не восстанавливаются снова со всеми подробностями и украшениями; хаты с резными сволоками и т. д. исчезают».⁶⁹

В 1899—1900 гг. в «производстве этнографических наблюдений и собираний этнографических материалов» по украинцам участвовали три специалиста: старший этнограф МАЭ Д. А. Клеменц (в Херсонской, Таврической, Ставропольской губерниях), «приватно занимающиеся при Музее» Н. М. Могилянский, впоследствии сотрудник Этнографического отдела Русского музея (в Полтавской, Черниговской и Екатеринославской губерниях), и Е. Л. Петри (в Херсонской и Таврической губерниях).⁷⁰ Все перечисленные лица получили от Академии наук Открытые листы на обследование и следующее поручение: «1) Заняться осмотром общественных музеев и частных коллекций, имеющих отношение к местной этнографии и археологии; 2) установить сношение с местными коллекционерами с целью воспользоваться в будущем их помощью для собирания этнографических коллекций для Музея Академии наук... 3) заняться собиранием этнографических коллекций, фотографированиями типов местного населения, производством антропологических наблюдений, составлением планов и чертежей и записыванием сведений от местных жителей».⁷¹

В результате этой работы в Музей поступило несколько собраний, характеризующих одежду, ткачество и утварь украинцев Полтавской губернии, а также собрания вышивок (№№ 492, 585 и др.).⁷² Н. М. Могилянский, например, привез комплект женского народного костюма Лубенского уезда (сорочки, намитку, плахту, разнообразные пояса — «крайку», «поварозку» и др.), гончарные изделия из с. Опочни Миргородского уезда, «изделия из дерева и других растительных материалов» (главным образом утварь) и детские игрушки (МАЭ, № 492).

В эти же годы в тесном контакте с Музеем работали художники, например Е. И. Турова,⁷³ от которой в Музей поступила коллекция вышивок (№ 5129), и периферийные этнографы. Особенно полезен Музею оказался член Географического общества, этнограф-любитель полковник В. А. Машков, перу которого принадлежало значительное число работ, посвященных материальной культуре, занятиям и музыке ногайцев, астраханских и оренбургских татар, чувашей и некоторых других народов России. В конце 1890-х—начале 1900-х годов он обследовал Киевскую, Херсонскую, Екатеринославскую губернии и некоторые районы Белоруссии.

В культуре и быте украинского и белорусского населения этих областей его особенно заинтересовали черты, указывающие на общность их культуры с культурой народов Польши. Результаты изучения взаимосвязей славянских народов были им суммированы в ряде исследований — «Гагаузы Бедерского уезда», «Старообрядцы Варшавской губернии», «Литовцы Сувалкской губернии»⁷⁴ и др. Эти работы ввели в этнографическую науку значительное количество данных о занятиях, материальной

⁶⁹ ААН, ф. 1, оп. 1а (1894 г.), № 141, лл. 272, 272 об. Протокол историко-филологического отделения.

⁷⁰ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, л. 98 об. Отношение в историко-филологическое отделение АН.

⁷¹ Там же, л. 191. Отношение в историко-филологическое отделение.

⁷² ААН, ф. 1, оп. 1а (1900 г.), № 147, лл. 241 об., 248 об. Протокол заседания историко-филологического отделения.

⁷³ ААН, ф. 1, оп. 1а (1897 г.), № 144, л. 223. Протокол историко-филологического отделения.

⁷⁴ В. А. Машков. 1) Гагаузы Бедерского уезда. Этнографическое обозрение, т. XIV, 1900, № 1; 2) Старообрядцы Варшавской губернии. «Варшавские губернские ведомости», 1897, №№ 19—57; 3) Литовцы Сувалкской губернии. Живая старина, XII, 1902, № 1.

культуре, искусстве и верованиях ряда народов, обитавших на западе Российского государства, и обогатили академический Музей интереснейшими коллекциями. В числе поднесенных Мопковым коллекций имелись собрания одежды и изделий народных художественных промыслов белоруссов (№№ 405, 406 и 415), одежды, тканей, утвари и музыкальных инструментов гагаузов, живших в Польше, и других ее народов (№№ 265, 294, 383, 405, 417, 498, 499), а также модели бытовавших у них сельскохозяйственных орудий (№ 254).

Первые коллекции по тверским карелам поступают в Музей в 1880-е годы от постоянного корреспондента Музея, сельской учительницы М. В. Михайловской. В течение ряда лет она по поручению Музея изучала быт карел Бежецкого и Весьегонского уездов, приобретала коллекции по их культуре, а также производила записи по фольклору и языку. Для овладения методикой и техникой сбора Михайловская не раз приезжала в Петербург, где и была подробно проинструктирована. Она же собрала для Музея прекрасные коллекции вышивки различного типа (свыше 900 номеров), в том числе образцы шитья, тождественного с вышивками северных карел (например, сплошные вышивки шелком), а также более новые по технике вышивки со стилизованным растительным орнаментом.⁷⁵ Часть собранных ею материалов была опубликована уже посмертно в сборнике Музея антропологии и этнографии. Коллекции же, в особенности материалы по народному искусству, до сих пор являются украшением фондов Музея.⁷⁶ Часть из них публикуется в настоящем сборнике.⁷⁷

Культура и быт тверских карел заинтересовали одного из основоположников финской этнографии, директора Гельсингфорского музея Теодора Швингта. Приехав в 1882 г. в Москву на промышленную выставку (где он демонстрировал собранные им для Гельсингфорского музея коллекции по культуре и быту финнов),⁷⁸ Швингт летом того же года предпринял с группой студентов поездку к тверским карелам. Он собрал словарь (около 5 тыс. слов) и коллекцию образцов материальной культуры, опубликованную лишь в недавнее время.⁷⁹

В 1890-х годах, во время пребывания в Гельсингфорсе, директор Музея антропологии и этнографии академик В. В. Радлов «выразил желание приобрести предметы из Финляндии».⁸⁰ Сбор этих коллекций был осуществлен Т. Швингтом с помощью неизвестного для нас лица, которого он именует «надежным человеком», «уважаемым лицом», а также своим «помощником».⁸¹

Т. Швингт следит за сбором этих коллекций, непосредственно входя во все детали, заботится об их описании. Так, например, он предлагает

⁷⁵ ААН, ф. 142, оп. 1 (1913—1914 гг.), № 67, л. 37. Письмо Г. Г. Эттинген В. В. Радлову от 17/I 1914; там же, оп. 1 (до 1918 г.), № 66, л. 215. Письмо Б. Петри М. В. Михайловской от 27/I 1914 г. и др.

⁷⁶ М. В. Михайловская. Карельские заговоры, приметы и заплачки. Сб. МАЭ, т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 611—634; ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 69, лл. 91, 274, 279; ф. 1, оп. 1а (1915 г.), № 162, л. 64. Протокольные бумаги; АМАЭ, к. IV, оп. 1, № 6, л. 48 об.; Книга поступлений, №№ 2551, 2640, 2424, 2090, 2272 и др.

⁷⁷ См. статью И. В. Жуковской «Вышивка тверских карел по коллекции М. В. Михайловской» в настоящем сборнике.

⁷⁸ S. Haltsonen. Teodor Schwindt. Der Bahnbrecher der finnischen Ethnographie. Kansatieteellinen Arkisto, 13, Helsinki, 1957, II, с. 4; T. Schwindt. Moskovyan näytteily. Uusi suometar, 1882, №№ 136, 139, 141; Suomi Moskovyan näyttelyssä Kansanvalistusseuran kalent, 1883, ss. 165—171.

⁷⁹ I. Schwindt. Matkamuistoja Tverin karjalasta. Kansatieteellinen Arkisto, т. 13, Helsinki, 1957, II, pp. 57.

⁸⁰ ААН, ф. 177, оп. 2, № 272. Письмо Т. Швингта В. В. Радлову от 24/IX 1894 г.

⁸¹ ААН, ф. 177, оп. 2, № 272, лл. 1 и 3. Письмо от 21/XII 1894 г.

списки, составленные на финском языке, «перевести и написать на шведском», а если для Музея удобнее документация, составленная по-немецки, он подыскивает конкретного исполнителя.⁸² Коллекции эти представляли большую научную ценность. Академик Радлов по мере поступления их в Музей сообщал Правлению Академии наук о получении «драгоценной коллекции» одежды, утвари и сельскохозяйственных орудий, «комплектов одежды, тканей и рыболовные снасти финского населения окрестностей Гельсингфорса» (№№ 287, 303),⁸³ «интереснейшей и разнообразнейшей коллекции костюмов, домашней утвари и промысловых принадлежностей финнов восточной части Великого княжества Финляндского» (№ 314),⁸⁴ «коллекции одежды и обуви Нидерландской провинции» и ряда других «интереснейших» собраний, содержащих одежду, утварь и сельскохозяйственный инвентарь (№№ 323, 404). Собрания Т. Швиндта, хранящиеся по сей день в фондах МАЭ, содержат 465 предметов, подобранных сериями: одежда, утварь, различные инструменты.

Коллекции по карелам Олонецкой губернии Карельского перешейка невелики. Они поступили от различных собирателей и характеризуют культуру и быт этих групп несколькими комплектами одежды, утвари, орудий, а также предметов культа (№№ 229, 504, 981, 6606).

Культура вепсов представлена промысловыми орудиями, одеждой и вышивкой, пермяков и коми-зырян — охотничьей одеждой, снаряжением и моделями (№№ 377, 968, 1413, 2716, 2896, 3501, 4705).

Виднейшими собирателями коллекций по культуре и быту народов Поволжья были упомянутый выше К. В. Щенников (№ 2161), Г. Д. Федоров (№ 2115), крестьянин М. П. Головачев (№№ 2087, 2239, 2040, 2349), учитель И. Цедровский (№№ 317—319) и почетный член Академии наук и Географического общества адмирал К. Н. Посыт. Из своих путешествий по России и плаваний по морям и океанам К. Н. Посыт неизменно привозил в Музей различные экспонаты. Путешествовал же он немало. Так, например, Посыт принимал участие в плаванье на фрегате «Паллада» (1849 г.) и корвете «Оливия» (1855 г.) в Японию. И. А. Гончаров очень тепло отзывался о Посыте, называя его пытливым ученым, «страстным охотником ехать вперед». Он же вдохновил Посыта написать «Письма о кругосветном плаванье»,⁸⁵ представляющие несомненный интерес для этнографии. В 1890—1900-х годах от него в МАЭ поступили следующие коллекции: одежда марийцев (№ 483), суррогаты пищи, употребляемые печорскими русскими (№ 476), украшения и трубки русских крестьян (№ 485), архитектурные модели (№ 481), норвежская утварь (№ 480), исландская мебель (№ 479), оружие народов Кавказа (№ 475), испанская одежда с о. Мадейра (№ 472), статуэтки народных типов Испании и Сибири (№ 473) и многое другое (№№ 466—485, 505, 525—530, 805 и др.).

По народам Прибалтики большая часть коллекций (свыше 200 предметов) была приобретена Прокофием Саминовым. Демобилизовавшись из флота в качестве унтер-офицера, Саминов в 1882 г. поступил на службу в МАЭ сторожем-служителем и первоначально лишь следил за чистотой и сохранностью музейных коллекций. Однако, будучи, по словам Л. Я. Штернберга, человеком «с редким для его положения и уровня

⁸² Там же, лл. 3 об.—4

⁸³ ААН, ф. 1, оп. 1а (1895 г.), № 142, л. 220. Протокол историко-филологического отделения.

⁸⁴ ААН, ф. 1, оп. 1а (1897 г.), № 144, л. 205 об. Протокол историко-филологического отделения.

⁸⁵ К. Н. Посыт. Письма с кругоземного плавания в 1852, 1853 и 1854 гг. Отечественные записки, т. 49, 1855, № 3, стр. 1—26; № 4, стр. 116—127.

развития интересом и добросовестностью к своим обязанностям»,⁸⁶ Саминов вскоре стал выполнять работы, которые обычно возлагались на научный персонал. После того как однажды, возвратясь из отпуска, он привез в Музей прекрасно подобранный комплект женской крестьянской одежды Нижегородской губернии и палеолитические орудия, найденные там же (№№ 191 и 321), Саминова начинают привлекать для планового сбора коллекций. В 1900—1910 гг. Музей неоднократно командирует его в окрестности г. Ревеля и на острова Моон и Эзель с поручением приобрести коллекции по культуре и быту эстов.⁸⁷ Поручения эти (как мы узнаем из отзыва академика В. В. Радлова) были им выполнены «со знанием дела, приобретенным за многолетнюю службу при Музее».⁸⁸ Собранные Саминовым в этих поездках 200 предметов (№№ 428, 486—488, 586, 587) дают представление о повседневной, праздничной, свадебной и траурной мужской, женской и детской одежде эстонских крестьян (перечисленных регионов), об их домашней утвари, художественных промыслах и некоторых орудиях труда для обработки почвы, прядения и ткачества (модели).⁸⁹ Представленные им в Музей собирательские списки и описи показывают, что этот малообразованный, но очень способный человек усвоил собирательские методы, выработанные в Музее. Все коллекции, собранные им, представляют собой наборы (комплекты одежды, орудий), собирательские же списки характеризуют их назначение и содержат названия предметов на местном языке или диалекте.⁹⁰

В конце 1890-х годов в МАЭ поступили богатейшие материалы по болгарам. В 1890 г. ряд городов Болгарии преподнес Александру II в благодарность за освобождение страны от турецкого ига коллекцию, характеризующую культуру и художественные промыслы Болгарии. В 1897 г. она была передана в МАЭ. Коллекция состояла из комплектов мужской и женской одежды, обуви, головных уборов и украшений, образцов тканей, вышивок, ковровых и иных художественных изделий, сбруи, орудий труда, утвари из различных областей Болгарии, расположенных близ городов Рущук, Плевен, Свищов, Никополь, Раград, Тырново, Елена, Севлиево, Ловеч, Осман-Базар, Берковица, Лом-Паланка, Рохово, София, Самоков, Охание, Враца, Дугница, Варна, Пазарджик, Провадия, Шуман и их округов. В настоящее время эта коллекция, насчитывающая 450 предметов (№ 372), является уникальной, так как не только в СССР, но и в самой Болгарии не имеется столь точно датированного и документированного собрания из самых разнообразных уголков страны.⁹¹

⁸⁶ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, лл. 114, 160, 206. Характеристика П. Саминова, написанная Л. Я. Штернбергом.

⁸⁷ ААН, ф. 1, оп. 1а (1900 г.), № 147, л. 305 об. Протокол заседания историко-филологического отделения; там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, л. 114. Удостоверение МАЭ Саминову от 7/VI 1909 г.; там же, лл. 160 и 190. Отношение МАЭ в историко-филологическое отделение.

⁸⁸ ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, л. 204. Ходатайство В. В. Радлова в Правление с просьбой наградить П. Саминова званием потомственного почетного гражданина от 20/X 1910 г.

⁸⁹ ААН, ф. 1, оп. 1а (1900 г.), № 147, лл. 277 об., 289—299. Протокол заседания историко-филологического отделения.

⁹⁰ ААН, ф. 142, оп. 1а (до 1918 г.), № 18, лл. 1—3. Описи коллекции №№ 428, 486—488, 586, 587. — Подробно об этом см. статью Н. В. Юхневой «Женская одежда эстонцев с островов Сааремаа и Муху» в настоящем сборнике.

⁹¹ ААН, ф. 1, оп. 1а (1897 г.), № 144, лл. 261 об.—265 об. Протокол заседания историко-филологического отделения, прил. 3. Список вещам, поднесенным княжеством Болгарским в бозе почившему императору Александру Николаевичу; там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, л. 4, 1898 г. Отношение МАЭ в историко-филологическое отделение; Н. И. Гаген-Торн. Болгарская одежда по коллекциям ленинградских музеев, стр. 208—279.

Как известует из обзора, коллекции по народам европейской части России и народам Европы не комплектовались планово и систематически, а поступали спорадически и часто носили случайный характер. Это объясняется тем, что в противоположность собраниям других отделов, подбиравшимся по плану для нужд отечественной науки и для экспонирования в МАЭ, коллекции Отдела Европы, за исключением уникальных собраний, рассматривались как фонд для обогащения Музея в целом. Многие коллекции, состав которых здесь не освещается, были проданы или обменены. В 1910 г., например, Гамбургским музеем была приобретена большая коллекция по культуре и быту русского населения Печоры из собрания А. В. Журавского.⁹² Часть этого же собрания, а также ряд других собраний были переданы в Берлинский музей народоведения, Смитсоновский институт (г. Вашингтон), этнографические музеи Стокгольма, Дрездена, Мюнхена, Буэнос-Айреса, в Музей естественной истории Нью-Йорка и другие музеи Европы и Америки,⁹³ с которыми МАЭ «состоял в непрерывном обмене».⁹⁴

В первые десятилетия после Октября во всех отчетах коллекции Отдела Европы первоначально также фигурируют как «обменный фонд».⁹⁵ В этот период их экспонируют на выставках лишь как сравнительный материал. Так, например, в экспозиции 1925 г. вышивки и другие орнаментированные предметы финнов Поволжья были выставлены в отделе, характеризующем угро-финские народы Сибири и Севера России.⁹⁶

После Великой Октябрьской социалистической революции штат Музея антропологии и этнографии значительно пополнился. Вырос и штат Отдела Европы. В работе его начали принимать участие такие известные слависты, как первый член-корреспондент Академии наук по этнографии Д. К. Зеленин (1925 г.), знаток белорусов академик Е. Ф. Карский, историк религии Е. Г. Кагаров, а несколько позже — слависты, угро-финноведы и кавказоведы, выпускники первого вуза, готовившего в СССР этнографов, — Ленинградского географического института (Л. Б. Панек, Н. И. Гаген-Торн, Е. Э. Бломквист, Е. Р. Леппер, М. Д. Торэн и др.). Поэтому сбор экспонатов для Музея, перешедший из рук любителей в руки специалистов-этнографов, приобрел более плановый характер. Большая часть коллекций стала поступать из планомерно предпринимаемых экспедиций Музея, а позже Института этнографии. Так, например, интересную коллекцию по быту грузин собрала экспедиция под руководством Л. Б. Панек (№ 3406), по этнографии курдов — экспедиция О. Л. Вильчевского (№ 3549), по народному искусству Дагестана — экспедиция А. Г. Данилина и Е. М. Шиллинга (№№ 3431, 3665, 3842, 5997) и др.⁹⁷

⁹² ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 43, л. 2. Протокол третейского суда над В. В. Радловым и Л. Я. Штернбергом от 2/IV 1911 г.

⁹³ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии Петра Великого за 1894—1917 гг. Пгр., 1895—1918; ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 39, лл. 17, 29, 36; № 51, л. 66; № 56, лл. 15—166; № 64, л. 232; № 65, л. 183; № 66, лл. 407, 442; № 69, л. 130 и др. Переписка; там же, ф. 1, оп. 1а (1905 г.), № 152, л. 391; оп. 1а (1911 г.), № 158, л. 345; оп. 1а (1913 г.), № 160, л. 420. Протоколы историко-филологического отделения.

⁹⁴ ААН, ф. 1, оп. 1а (1913 г.), № 160, л. 420. Протоколы заседания историко-филологического отделения.

⁹⁵ ААН, ф. 142, оп. 1 (1923 г.), № 1, л. 9. Отчет МАЭ за 1923 г.; там же, № 3, л. 38. Характеристика заведующей Отделом Европы Е. М. Кубиш; оп. 1 (1928 г.), № 1, л. 4. Отчет МАЭ за 1927.

⁹⁶ Музей антропологии и этнографии. Путеводитель. Л., 1925, стр. 9.

⁹⁷ ААН, ф. 2, оп. 1927, № 55, лл. 40—57; Отчет МАЭ за 1926 г.

Крупнейшие собрания по культуре и быту русского народа и народам Поволжья были привезены директором МАЭ Е. Ф. Карским (№ 3721), заведующим библиотекой Музея Д. К. Зелениным (№№ 3340, 6576), а также много лет работавшим в контакте с Музеем сотрудником Печорской станции А. Д. Травиным (№№ 1101, 1226, 1877, 2911, 5152).

Собранные Д. К. Зелениным коллекции одежды, головных уборов, обуви, украшений, утвари, инструментария и образцов кустарных изделий характеризуют культуру и быт русского населения Курской, Псковской, Харьковской, Воронежской, Орловской, Тверской, Вятской и Новгородской губерний, а также украинцев, удмуртов, башкир, чувашей и некоторых других народов Поволжья и Прибалтики.

Большая часть перечисленных предметов подбиралась им в виде серий. Одна из них — серия из 70 женских головных уборов — была опубликована Д. К. Зелениным в журнале «Slavia»,⁹⁸ другие же, например серии лаптей и иной обуви (№ 1576-83—128), инструментов (№ 6576-129—180) и т. п., еще ждут своих исследователей.

Из коллекций, поступивших в советскую эпоху от собирателей-любителей, наибольший интерес представляют собрания академика Е. Н. Павловского и дипломата В. А. Рыжкова (№№ 1454, 1767, 3547, 6564). В их числе, например, имеется коллекция из 530 ложек, основная масса которых была собрана в России (№ 3547, рис. 5). В ней представлены главным образом деревянные ложки самых различных форм и назначений — от детских до суповых, от простейших, выточенных на токарном стане, до сложнейших, украшенных вычурной гравировкой и резьбой. Значительное число такого рода изделий служило сувенирами, которыми торговали пустоши и монастыри. Среди них много расписных, украшенных архитектурным пейзажем. Много в коллекции и столовых ложек, украшенных росписью (в виде архитектурных пейзажей, жанровых сценок, орнаментов, изречений и пословиц, связанных с пищей).

В этой же коллекции имеются однотонные и расписные ложки разнообразных назначений и форм из Болгарии, Венгрии, Австрии, Италии, Монако, Швеции, Шотландии, Франции и Югославии.

В послевоенные годы отдел пополнился коллекциями по народам Западной Европы, поднесенными Музею обществами культурной связи и различными делегациями. Коллекция № 6108, например, поднесена Музею Венгерской правительственной делегацией, она состоит из комплектов народной одежды и образцов кустарных художественных изделий.

В настоящее время в фондах Отдела Европы насчитывается более 12.5 тыс. экспонатов, 25 625 негативов и свыше 10 тыс. различных иллюстраций (рисунки, картины, фотографии и др.).

Распределение коллекционных предметов по народам см. на схеме (стр. 29).

Таким образом, Отдел Европы Музея антропологии и этнографии в настоящее время является обладателем значительных и разнообразных собраний по народам европейской части СССР и Европы.

Основная масса их была собрана в дореволюционную эпоху. Коллекция по этнографии русского народа характеризует одежду, ткачество и художественные промыслы Архангельской (1300 предметов), Вологодской (849), Нижегородской (349), Вятской (292), Олонецкой (151), Орловской (200), Тверской (897) и Рязанской (135 предметов) губерний и отдельные стороны культуры и быта Астраханской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Московской, Новгородской, Пен-

⁹⁸ Д. К. Зеленин. 1) Женские головные уборы восточных (русских) славян. Slavia, 1926, № 2; 1927, № 3; 2) D. K. Zelenin. Russische (Ostslavische) volk-kunde. Berlin und Leipzig, 1927.

Народ	Число коллекций	Число предметов	Народ	Число коллекций	Число предметов
Русские	134	4735	Другие народы		
Украинцы	16	619	Закавказья	12	176
Белорусы	13	384	Словаки	1	11
Карелы	13	929	Поляки	15	2094
Эсты	18	244	Немцы	6	91
Латыши	3	14	Австрийцы	1	500
Литовцы	4	11	Албанцы	1	6
Удмурты	6	207	Бельгийцы	1	28
Мордва	16	256	Болгары	6	336
Марийцы	10	155	Венгры	2	133
Чуваши	8	197	Голландцы	1	3
Татары	19	127	Исландцы	2	6
Башкиры	6	101	Испанцы	2	9
Бенсы	2	38	Итальянцы	2	497
Пермяки	2	62	Норвежцы	3	4
Коми-зыряне	3	15	Португальцы	1	6
Евреи	4	20	Румыны	2	7
Народы Северного Кавказа	16	194	Шведы	2	71
Народы Дагестана	16	214	Шотландцы	2	2
Народы Грузии	26	164	Французы	5	520
			Финны	11	494
			Народы Югославии	7	223

зенской, Пермской, Петербургской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Уфимской и Ярославской губерний, а также Донской и Кубанской областей.

Громадный интерес представляют коллекции по культуре и быту локальных групп русского населения, живущих на Алтае, в Казахстане, Каракалпакии, Киргизии и в ряде других районов Средней Азии. Уникальны собрания вышивки, входящие в различные коллекции, а также женских и девичьих головных уборов, богатейшие коллекции русских кружев, образцы тканей, игрушек, модели сельскохозяйственных орудий и промыслового оборудования, выполненные руками мастеров, которые изготавливали и сами орудия.

Собрание по белорусам освещает некоторые стороны культуры и быта населения Минской, Могилевской, Смоленской, Витебской, Гродненской и Волынской областей, и в частности одежду конца XIX—начала XX в., домашнее ткачество, интерьер, орудия труда и средства передвижения.

Наибольшим богатством по украинской культуре отличаются коллекции, приобретенные в Полтавской губернии, характеризующие художественные ремесла населения (узорное ткачество, вышивку, керамику), а также национальную одежду конца прошлого века. Менее обильными являются коллекции из Киевской, Херсонской, Подольской и Волынской областей.

По народам Прибалтики лучше всего освещается культура островного и материкового населения Эстонии (окрестностей Таллина, Везенберга, Пярну и ряда других районов, а также островов Сааремаа и Муху), откуда в Музей были доставлены комплекты мужской и женской будничной, праздничной и похоронной одежды, украшения и утварь. Культура и быт литовцев и латышей представлены единичными собраниями по одежде, домашней утвари, сельскохозяйственными орудиями.

Карельская культура отражена односторонне; она представлена богатейшими коллекциями только по тверским карелам и почти исключительно вышивкой. Эти собрания, составленные силами нескольких коллекционеров конца прошлого—начала нынешнего века, насчитывают свыше 900 образцов и представляют уникальный интерес для этнографов и искусствоведов.

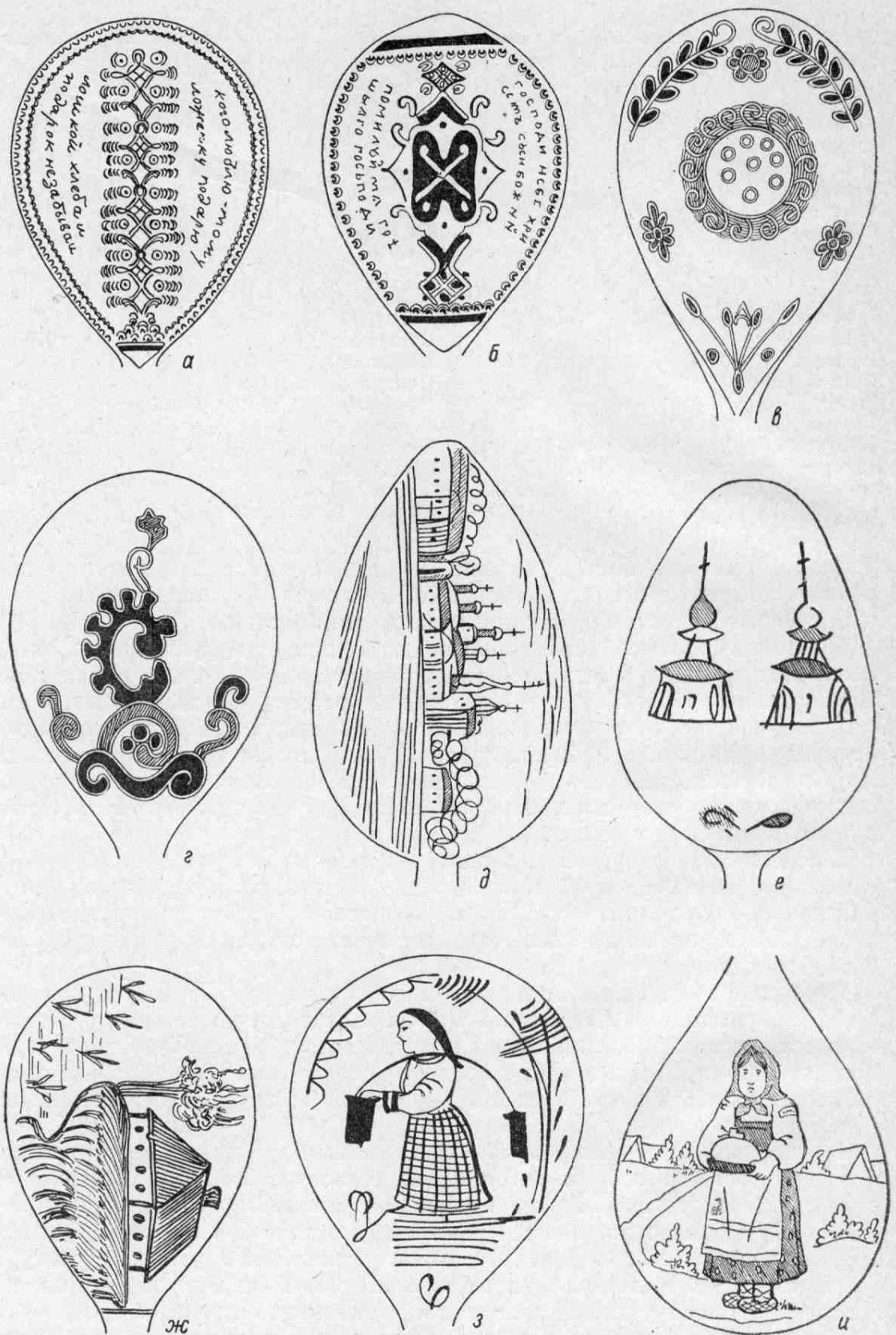

Рис. 5. Ложки из коллекции В. А. Рышкова.

а — № 3547-324; б — № 1101-133; в — № 3545-53; г — № 3547-53; д — № 3547-261; е — № 5325-2;
ж — № 3547-285; з — № 3547-220; и — № 3547-219.

Культура и быт олонецких и выборгских карел характеризуются несколькими комплектами одежды, утвари, музыкальных инструментов и орудий; культура вепсов — промысловыми орудиями и одеждой, снастями и вышивкой; пермяков и коми-зырян — охотничьей одеждой и «оборудованием», а также моделями.

Как уже упоминалось раньше, коллекции по культуре и быту народов Поволжья начали поступать в Кунсткамеру с первой половины XVIII в. С годами они пополнились и в настоящее время насчитывают несколько сот предметов. Коллекции по этнографии мордовского народа состоят более чем из 250 предметов, характеризующих главным образом одежду и художественные промыслы мордвы, проживающей в Пензенской, Самарской, Саратовской, Горьковской, Тамбовской и Акмолинской областях; марийские коллекции включают в себя головные уборы, одежду и утварь, приобретенные в Казанской, Горьковской и Вятской областях (155 предметов); чувашские коллекции включают в себя аналогичные собрания, прекрасную коллекцию музыкальных инструментов и небольшую (197 предметов), но интересную коллекцию предметов культа (йерехи); культура казанских и крымских татар представлена лишь отдельными собраниями по одежде и украшениям; башкирская — изделиями из дерева и небольшой, но хорошо подобранный коллекцией одежды (51 предмет).

Материальная культура народов Кавказа освещается несколько односторонне. В фондах МАЭ имеется главным образом одежда (грузинская, сванская, мингрельская, лезгинская, аварская, азербайджанская, курдская), а также оружие (хевсиров, сванов, лезгинов, аварцев, балкарцев, армян и курдов), предметы культа (грузин, евреев, осетинов), музыкальные инструменты (грузин, лезгинов) и несколько собраний по народному искусству (например, коллекция азербайджанской резьбы по дереву).

Из собраний по народам Западной Европы наибольший интерес представляют экспонаты, характеризующие занятия, народное искусство и одежду венгров, народные промыслы, одежду и жилище поляков, словаков, албанцев, бельгийцев, испанцев, итальянцев, черногорцев и болгар. Особенно ценными являются коллекция одежды, головных уборов, украшений, ткачества и утвари из различных районов Болгарии, коллекция образцов польских тканей домашнего производства (свыше 1200 образцов), собрание предметов культа немецкого народа (вотивы), а также собрание деревянных предметов, украшенных резьбой и росписью из различных районов Европы.

В этом очерке далеко не исчерпывается все богатство Отдела. Собрания его уже давно перестали считаться обменным фондом. Коллекции, правда, и теперь выставляются изредка (в послевоенные годы болгарские собрания были выставлены в 1946 г., а закарпатские — в 1959 г.), но зато широко используются для научной работы. Так, например, головные уборы и одежда, а также сельскохозяйственные орудия из фондов МАЭ послужили ценным источником при работе над историко-этнографическим атласом «Русские»; образцы тканей и одежда — при написании статей «Восточнославянского этнографического сборника»; утварь, предметы народного искусства использованы для иллюстрирования тома «Народы европейской части СССР». Единичные коллекции отдела опубликованы в сборниках МАЭ, однако большая часть их (даже уникальных) ждет своих исследователей.